

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 340.11

СИДОРКИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

ГЕНЕЗИС И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ ПОНИМАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ *

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется эволюция взглядов представителей политико-правовой мысли различных эпох на категорию безопасность и отражение этих взглядов в попытках формулировки дефиниции безопасности. Понимание безопасности прогрессировало вместе со степенью осознания человеком самого себя как индивида и как члена социального коллектива, общества в целом.

Ключевые слова: дефиниция; безопасность; право; государство; политико-правовые учения; природа безопасности.

SIDORKIN A. I.

GENESIS AND FURTHER DEVELOPMENT OF SECURITY UNDERSTANDING

ABSTRACT

The article investigates the evolution of the views of representatives of political and legal thought of different eras on the category of security and the reflection of these views in attempts to formulate a definition of security. The understanding of security progressed along with the degree of a person's awareness of himself as an individual and as a member of a social collective, of society as a whole.

Keywords: definition; security; law; state; political and legal teachings; nature of security.

Потребность в обеспечении собственной безопасности (самосохранении) изначально заложена природой в любом биологическом организме. В настоящее время, вопросы обеспечения безопасности в силу объективных причин поставлены современным обществом в центр международной жизни, и от того, как они будут решаться, в значительной мере зависят перспективы дальнейшего развития цивилизации, её «архитектура безопасности» [1, с. 404]. Сказанное подчеркивает, что безопасность превратилась в главнейший объект современных международных отношений и международного права.

В процессе генезиса и последующего развития взглядов на безопасность, поисков эффективных средств её обеспечения менялось и лексическое значение самого термина «безопасность». Следует согласиться с мнением Р.В. Четверткова, полагающего, что «безопасность» есть понятие динамическое, гибкое, никогда не постоянное, способное к саморазвитию и самореализации [2].

На самых ранних этапах человеческого существования идея безопасности координировалась с весьма простой нравственной нормой: «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе». Именно в этой простейшей нравственной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00658 «Транспортная безопасность: теоретико-правовые основы, административно-правовые и уголовно-правовые средства обеспечения в Российской Федерации»

норме, по мысли С.И. Беглова, была заложена первейшая гарантия личной безопасности [3, с. 44].

В родоплеменном обществе именно род обеспечивал безопасность индивидууму. Первые постулаты безопасности воспринимались через традиции, обычаи, ритуалы и другие категории древней общественной жизни. Дж. Вайс и Г. Сэмпсон называют их паттерны повторения. Повторяясь из поколения в поколение варианты «безопасного, правильного поведения», позволяли человеку хорошо приспосабливаться к жизни, а затем и самому стремиться воспроизводить их как эмоционально позитивные ситуации. Чем больше подчинялся человек регламентам рода и племени, тем в большей степени безопасности он полагался окружающими соплеменниками [4, с. 56].

Указывая на род и племя как базовые элементы, вокруг которых формируется традиция безопасности, английский исследователь Дж. Боулби, связывает эти процессы с чувством привязанности. В рамках теории привязанности возникновение чувства безопасности у человека объясняется следующими моментами. Во-первых, окружение рода и племени было для человека лично знакомо. Во-вторых, человек точно был уверен в том, что при первой опасности соплеменники придут на его защиту. Негативным моментом такой привязанности Дж. Боулби справедливо указывает возникающую зависимость конкретного индивида от своего рода или племени, поскольку вне его защиты человек всегда чувствовал себя в опасности. Заслуживает внимания здесь мысль Дж. Боулби о том, что отсутствие безопасности (вне защиты соплеменников) могло толкнуть человека и на противоправное поведение, как реакцию на «страшную, незнакомую ему действительность» [5, с. 235].

В связи со сказанным любопытным представляется утверждение части криминологов о том, что чем менее социализирован преступник, тем большую опасность он может представлять обществу [6, с. 27–28]. На первый взгляд, благая вроде бы цель оградить общество от лиц, преступивших закон, возводя дополнительные запреты на их полноценную жизнь в рамках общества (различные административные запреты для бывших осужденных на передвижение, работу и проч.), ужесточение

условий отбывания наказания путем существенного сужения рамок общения (взаимодействия) с обществом на деле приводит к ассоциализации личности преступника и порождает в его лице ещё большую опасность для общества.

Обычное право племени, как указывал профессор университета Глазго У. Маккечни, подготовило прекрасную почву для последующего восприятия права человеком уже как члена государства и юридикации прежде существовавших в древних обществах отношений [7, с. 309]. Однако на каком-то этапе развития человеческой цивилизации нормы личной этики, регламентировавшие безопасность, стали все больше расходиться с практикой правящих групп и государства.

Именно с возникновением государства, верно отмечает Д.Н. Калачев, оно берет на себя функции и полномочия главного гаранта безопасности [8, с. 385], поскольку граждане где добровольно, а где вынужденно, доверяют теперь свою безопасность центральной власти. Как негативный оценивал этот момент в истории человечества Э. Фромм, указав, что компенсацией за организацию безопасности человека государством, стало для него ощущение личной ничтожности. Дихтомия «свобода – безопасность», конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности становится, по его мнению, с этого времени большой проблемой человечества [9, с. 140].

Считается, что одно из первых лексических значений термина «безопасность» было дано в 1190 г. в словаре английского ученого-философа Роберта Гроссетеста, который под указанным термином понимал спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности [10, с. 10]. В данном определении мы видим акцентирование безопасности на спокойном состоянии духа. И это далеко не случайно, поскольку наука этого периода представляла из себя «безраздельное царство теологии». Отсюда спокойное состояние души (духа) человека ставится во главу угла в философии безопасности.

Только на рубеже XVI–XVII вв. в философии Ф. Бэкона и Б. Спинозы термин «безопасность» получает новую трактовку как «состояние, ситуация спокойствия, появляющаяся в результате отсутствия реальной опасности, а также материальные, политические условия, соответствующие

органы и организации, способствующие созданию данной ситуации». Научный интерес к формально-логической интерпретации понимания безопасности и стремление выработать соответствующую терминологию, адекватно отражающую сущность безопасности, были обусловлены стремительным развитием науки и техники в этот период времени. Теперь незнание грозило опасностью, скрытой угрозой. Так, в частности, преодоление незнания (неизвестности) в великих географических открытиях было направлено и в том числе на обеспечение безопасности мореплавания человечества. Географические открытия были невозможны без развития наук (математики, астрономии, картографии). Тем самым безопасность все более вовлекалась в научную орбиту и требовала выработки своего научного определения. Поэтому далеко не случайно, что одно из первых научных определений безопасности появляется в трудах Ф. Бэкона и Б. Спинозы, стремившихся обосновать важность науки для обеспечения безопасности государства и общества [11, с. 17–18; 12, с. 254–298].

Однако формирующиеся государства, по выражению английского философа XVII в. Т. Гоббса являлись субъектами «еще с неустоявшимися территориями» [13, с. 93]. Поэтому и понимание безопасности изначально приобретает «международный» характер, как защита интересов своих граждан от притязания других государств [14, с. 250]. Но эту роль государство вынуждено было играть в одиночку, «полагаясь, – как писал Т. Гоббс, – только на свои силы» [13, с. 94]. Отсюда в понимании безопасности появляется национальный аспект.

Понадобится еще почти 250 лет, прежде чем идея «национальной безопасности», промелькнувшая в размышлениях Т. Гоббса, приобретет законченное научное оформление в виде доктрины Ганса Моргентау и его школы прагматизма сводящей понимание безопасности как военно-силового способа её обеспечения [15, с. 29]. Однако нужно понимать, что «национальная безопасность» фигурирует в доктрине Г. Моргентау не как самостоятельная категория, а как основной, движущий элемент собственно категории «безопасность» имеющей по-прежнему «международный характер», поскольку «национальные интересы» есть главный фактор реализации внешней поли-

тики государства. Не случайно доминантой интересов безопасности по Г. Моргентау выступают, по его терминологии, «постоянные, основополагающие интересы» такие как: защита территориальной целостности, населения, государственных институтов от внешней опасности. Вместе с тем, идеи Г. Моргентау по выделению так называемых «преходящих, промежуточных интересов» позволили впервые, с одной стороны, на научном уровне говорить о том, что категория «безопасность» не является статичной [16, с. 92], а с другой стороны, поставили под вопрос вообще возможность сформулировать устойчивое понятие «безопасности» в условиях постоянно меняющихся «преходящих» интересов безопасности.

Последующие критики доктрины прагматизма не разглядели в ней указанных двух новаций в подходе к определению безопасности, сосредоточив свое внимание на «военно-силовой» составляющей этой доктрины. Так, в частности, узкое понимание смысла безопасности последователями Г. Моргентау, было подвергнуто критике зародившимся в 60-70-е гг. XX в. движением глобалистов, которые стали рассматривать безопасность как комплексную категорию, включающую помимо собственно безопасности общества от военных конфликтов, экономических кризисов еще и безопасность окружающей среды, безопасности ресурсов, необходимых для существования человечества и проч. Но сама теория глобализма в своем понимании безопасности еще далека от совершенства и не избежала внутренних противоречий. С одной стороны, вслед за Джеймсом Розенау низвергнув государство с пьедестала единственного гаранта безопасности в ряд «автономных властных акторов» [17, с. 13], выступающего «лишь в качестве одного из игроков» по обеспечению безопасности, с другой стороны, например, Йель Х. Фергюссон и Ричард У. Мансбах указывая на то, что любой феномен, в том числе и безопасность, можно рассматривать с разных точек зрения и такой подход дает множество частично правильных интерпретаций, пишут одновременно о «главенстве восприятия» этого термина, характерного «для лиц, принимающих решения» (имея в виду здесь государственных служащих, а в их лице – снова государство). Одновременно с этим указанные авторы пытаются

отвергать «стойкий государственноцентризм» в оценках безопасности концепции Александра Вендта [18, с. 18–26].

Новый вектор в дискуссии о понимании безопасности обозначился в 80-е гг. XX в., когда профессор Принстонского университета Ричард Ульман и англо-канадский ученый Барри Бузан заговорили о безопасности самого человека, утверждая при этом, что государство, ранее позиционируемое как основной гарант безопасности, само является источником опасности для личности [19, с. 133; 20]. Однако вряд ли эти взгляды можно назвать абсолютно новым словом в науке о безопасности. По своей сути названные авторы реанимировали весьма старую дискуссию известную еще с эпохи Просвещения о том: является государство добром или злом для человека, дополнив её проблематикой понимания безопасности. Государство, в концепциях либеральных гуманистов с самого начала своего существования эксплуатировало «циничную тему вечного состояния небезопасности» возведя в ранг государственной мудрости и доктрины такие, например, постулаты: «человек человеку волк», «чем больше оружия – тем больше безопасности», а сама безопасность олицетворялась «частоколом охранительных мер вокруг всего и вся... ставкой на запугивание» [3, с. 44]. Естественно, что человеческая личность в этих условиях, её права и интересы могли попирались государством в любой момент, как только создавалась явная или мнимая угроза безопасности, в том её понимании государственного практицизма и эгоизма.

Таким образом, генезис безопасности показывает нам путь перехода от биологической реакции, направленной на сохранение собственной жизни от всеохватывающей опасности окружавшего древнего человека мира до выработки научной категории «безопасности». Переходу осмысления безопасности из обыденности и практицизма в научную плоскость способствовало стремительное развитие науки и техники, повлекшее за собой необходимость формально-логически интерпретировать понимание безопасности и выработать соответствующую терминологию, адекватно отражающую сущность безопасности. Однако смена вектора в понимании безопасности после Второй мировой войны, когда на смену государственно-

центричной модели приходит «нетрадиционная» модель – «человекоцентричного» понимания безопасности, вновь дала пищу для научного дискурса на эту тему.

Список литературы

1. *Elyes Ben Hamida, Hassan Noura, Wassim Znaidi. Security of Cooperative Intelligent Transport Systems: Standards, Threats Analysis and Cryptographic Countermeasures // Electronics. – 2015. – № 4 (3). – P. 380 – 423.*
2. *Четвертков Р.В. Развитие представлений о безопасности России (XI-XVII вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.ihst.ru/~biosphere/Mag_1/Save.htm (дата обращения: 10.10.2019).*
3. *Беглов С.И. Безопасность своя, безопасность чужая // Международная жизнь. – 1988. – № 4 (апрель). – С. 37 – 45.*
4. *Gassner S., Sampson H., Weiss J. & Brumer S. The emergence of warded-off contents // Psychoanalysis and Contemporary Thought. – 1982. – № 5 (1). – P. 55 – 75.*
5. *Bowlby J. Attachment and loss volume 1 Attachment. Second Edition. – NY: Basic Books; 2nd edition, 1983. – 436 p.*
6. *Сундуров Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 216 с.*
7. *Mac Kechnie W. The state and the individual, an introduction to Political Science, with special reference to Socialistic and Individualistic Theories. Glasgow: J. MacLehose and sons, 1896. – 530 p.*
8. *Калачев Д.Н. Безопасность: эволюция понятия // Тренды и управление. – 2014. – № 4(8). – С. 385 – 391.*
9. *Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 571 с.*
10. *Экономическая безопасность: учебник для вузов / под общ. ред. Л.П. Гончаренко. 2-е изд., доп. и пераб. – М.: Юрайт, 2018. – 340 с.*
11. *Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1. – М.: АН СССР, Мысль, 1977. – 567 с.*
12. *Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Наука, 1999. – 630 с.*
13. *Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. – 583 с.*

14. Безопасность личности, общества, государства: Монография: в 2 т. / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. Т. 1. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2008. – 356 с.
15. *Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 2nd ed., rev. and enl.* – New York: Alfred A. Knopf, 1955. – 600 p.
16. *Morgenthau H. In Defence of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy.* – New York, 1952. – 283 p.
17. *Rosenau N. James. Governance Without Government: System of Rule in World Politics.* – Los Angeles: Institute for Transnational Studies, University of Southern California, 1987. – 324 p.
18. *Ferguson Yale H., Mansbach Richard W. Remapping global politics. History's revenge and future shock.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 366 p.
19. *Ullman, R. Redefining Security // International Security.* – 1983. – Volume 8. – № 1. – P. 129 – 153.
20. *Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Second Edition.* – Copenhagen Peace Research Institute (COPRI); Chapel Hill, NC: Univ. Of North Carolina Press, 1983. – 262 p.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2019 г.

Принята к публикации 18 ноября 2019 г.